

18+

НАТАЛЬЯ АДАМОВА

ТВОРИ ЧТО ХОЧЕШЬ

Наталья Адамова

Твори что хочешь

«Издательские решения»

Адамова Н.

Твори что хочешь / Н. Адамова — «Издательские решения»,

Где заканчивается реальность и начинается исцеление души? Непростая история, основанная на реальных событиях. Проходя через темные воды человеческого горя и кризисов, главная героиня учится следовать за собой вопреки всему. А персонажи ее внутреннего мира оживают, становясь зеркалами ее психики и нового мироощущения. Эта книга проведет вас от глубокой драмы в терапевтическую сказку, напоминая: у каждого из нас есть право и сила творить свою судьбу с чистого листа.

© Адамова Н.

© Издательские решения

Содержание

Глава первая.	6
Глава вторая.	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Твори что хочешь

Наталья Адамова

© Наталья Адамова, 2026

ISBN 978-5-0070-8813-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящается моим бабушкам и дедушкам:

Дарье, Михаилу, Асие и Николаю

###

#

#

#

#

#

#

#

#

#

#

Основано на реальных событиях

Глава первая. Или начало всего

Все началось с одного убийства. Хотя нет, не так.

Кажется, что история любого человека начинается лишь в момент его рождения. Но история Таты словно бы началась задолго до ее появления на свет, по крайней мере, то, с чем ей пришлось столкнуться, было как будто предначертано ей очень давно. Назовем это словом *карма*. И хотя оно значит гораздо больше, чем предопределенность или судьба, для описания неизбежности происшествий в жизни Таты оно очень даже подходит.

Вероятно, цепочка событий, о которых пойдет речь, может быть отмотана еще дальше в прошлое. Но давайте будем считать, что все началось вот тут, одним майским вечером в небольшом деревенском доме, где двое пожилых мужчин вели медленный тяжелый разговор.

Все обитатели и гости дома были заняты вечерними делами. В углу комнаты негромко вещал одинокий телевизор, включенный неизвестно для кого, ведь никто не обращал на него внимания. Кто-то укладывался спать, а кто-то отдыхал на большой кровати после жаркой бани. Бабушка Ася, которая еще только собиралась париться, рылась в старом платяном шкафу, подбирая подходящее по размеру полотенце. Но вся эта суета не трогала двух дедов, сидевших за столом в большой гостиной. Казалось, звуки, кружившие вокруг них, никак не могли проникнуть в их особое пространство. Разве что мерный стук часов, похожий на биение пульса, монотонно заполнял паузы между их репликами.

Разговоры о войне всегда выходили тяжелыми и вязкими. Оба они прошли через немецкий плен и лагеря, и, хотя их жизнь в плену разнилась, было и что-то общее, объединявшее всех, кто видел эту войну. Как раз об этом общем зачастую не говорилось, об этом нельзя было говорить. Об этом просто молчали. А вот то, что оказалось различным в их судьбах и переживаниях, и стало основной темой их разговора.

— Скажи, Николай, — немного подумав, очень осторожно начал один из мужчин, будто бы проверяя, не ранят ли эти слова его собеседника, — разве ты никогда не допускал мысли, что он мог быть не виновен, что его просто оговорили? Ведь не было же суда. И даже если бы и был, ведь не видел же ты сам лично никаких доказательств?

— Не видел, да и думать об этом не хочу. Если и была какая мысль, когда я его топил... то только о том, как поскорее его в колодец сбросить и убраться оттуда, пока меня немцы не поймали.

Дед Михаил опустил взгляд на край широкого деревянного стола. А дед Николай продолжал что-то говорить, но выходило ровным счетом как с говорящим телевизором, который никто не слушал. Внутри деда Михаила поднимались, как из мутной воды, странные, неприятные чувства. То ли вина, то ли злость, то ли возмущение. Он сделал глубокий вдох, и воздух ненадолго задержался в груди, расширяя пространство у него под ребрами, — так эти чувства не разрывали его изнутри и не выплескивались наружу, а хоть как-то уместались в нем самом. Спустя время он снова смог поднять взгляд на собеседника. Дед Николай молча наливал в стопки горькую.

Небесная канцелярия. Эпизод первый

В отделе урегулирования судебных дел небесной канцелярии — прямо за рабочим столом, положив голову на крыло, — спал Ангел. Забавно, что именно так спят уставшие люди, пристраивая голову на сложенные на столе руки. Но им все время чего-то не хватает для полного удобства, возможно, именно крыльев. Ангел проснулся от звука оповещения, которое срабатывало каждый раз, когда на столе появлялась новая папка с документами: в таких хранились человеческие истории, требующие разрешения. Он открыл глаза, встал во весь рост

и медленно подошел к окну. За окном сиял сплошной свет. Интересно, чем дополнилась эта запылившаяся история? Он уже знал, что дело давнее, а значит, не самое простое. На папке значилась дата — август 1944 года.

— Господи, как у тебя тут жарко, — сказал появившийся рядом с Ангелом шар белозеленого цвета, из которого вдруг возникла величественная фигура Святого Николая.

Святой подошел к окну, у которого стоял Ангел, открыл его и присел на подоконник. Небольшое красное облако, окруженное золотым сиянием, пролетело мимо Святого, влетело в помещение, остановилось рядом со столом, а потом с едва уловимым хрустальным звоном рассыпалось в мелкую пудру.

— И правда жарко! — произнес Архангел Михаил, стряхивая остатки пудры с длинных воздушных рукавов.

Архангел огляделся, уселся за стол, раскрыл папку и надолго задумался. Казалось, он погрузился в глубокую медитацию: глаза были закрыты, руки сложены на груди, голова опущена. Святой Николай и молодой Ангел терпеливо ждали.

— А что если так? — воскликнул Архангел через некоторое время, будто бы резко проснувшись. Он встал со стула и, расхаживая туда-сюда по комнате, начал торопливо рассказывать свою задумку. Все трое долго спорили, обсуждая предложенный Архангелом вариант решения старого дела, и наконец пришли к тому единственному сценарию, который устраивал всех.

— Ладно, — согласился Святой Николай, задумчиво поглаживая рукой бороду, — но кто это будет делать там, на земле?

— Ну, — пожал плечами Архангел Михаил, — видимо, Тата. А я ей помогу.

Все трое посмотрели вниз, туда, где сама идея о появлении Таты уже начала воплощаться в жизнь: из крохотной клетки уже образовалось множество, а из множества уже начала появляться форма. Архангел Михаил зачерпнул рукой из воздуха горсть маленьких белоснежных пылинок и пристально на них посмотрел, убедившись, что у него в ладони есть все, что нужно. А затем поднес руку к губам. «Ты все забудешь, но все вспомнишь», — прошептал он. И со всей своей заботой и любовью сделал медленный выдох, от чего пылинки засуетились. Они выстроились одна за другой тонкой закрученной в спираль нитью и послушно потекли в сторону планеты Земля, унося с собой послание Архангела. В этот самый миг в крохотное тельце только-только зародившегося эмбриона постучалась душа, которой предстояло прожить очень интересную и насыщенную необычными обстоятельствами жизнь.

— Ну и как мы ей напомним об этой истории? — спросил молодой Ангел с тревогой.

Он совсем недавно начал службу в канцелярии и потому волновался чуть больше остальных.

— Пока не знаю, — ответил Архангел. — В какой-то момент жизни она сумеет взглянуть на все горести своего рода как на судьбу и совокупность тысячи разных причин и следствий, потому что это будет единственным ее спасением. И тогда она начнет молиться за всех, и своей молитвой сотворит чудо.

Яблоко от яблони

Тата появилась на свет ровно через девять месяцев после этого разговора. Она стала первым ребенком в самой обычной советской семье. А какой же еще могла быть семья в те времена? О какой бы то ни было необычности тогда даже не думали, а если и думали, то скорее в негативном ключе, — и поэтому всем, родившимся в СССР, следовало быть обычными, в том числе и Тате. Белобрысая, с черными глазами, она была похожа на инопланетное существо, но серые советские колготки всех детей без исключения делали одинаковыми, сводя на нет старания природы.

Тата была нежной, чувствительной (может, даже сверхчувствительной) и хрупкой по сравнению с остальными членами своей семьи, каждый из которых был настоящим бойцом. Бойцом — это не преувеличение. Достаточно хотя бы рассказать про Михаила, ее дедушку по маминой линии. Героем он был вовсе не потому, что на его груди висели боевые медали, хотя они у него и правда были. Это был тот тихий героизм, который является особенностью личности, когда человек не прощает самому себе никакую слабость. И никакую несправедливость тоже не прощает, благодаря чему делается нестигаемым и способным защищать свою правду вопреки всем внешним обстоятельствам. Он даже в партию так никогда и не вступил: принципиально был против, потому что ненавидел Сталина, а идти против себя не хотел ни за какие плюшки. Эта упертость стоила ему карьеры, оставив его навсегда лишь школьным учителем, — беспартийным в те времена ходу наверх не было.

Дед Михаил был человеком уважаемым и не лишенным обаяния: харизматичным, открытым, честным и любящим. Его сила духа многих поражала. Во время боевых действий под Сталинградом он был ранен. Осколок снаряда попал в район левого локтя и травмировал сухожилия и сосуды. К моменту окончания войны рука начала отсыхать, и врачи неоднократно предлагали ее ампутировать, потому что в то время извлечь из руки осколок, не повредив еще больше сосуды и связки, было технически невозможно. Но дед не соглашался. Вместо этого начал тренировать руку, преодолевая боль, чтобы оживить ее. Он дошел до того, что ставил посередине комнаты две табуретки, становился на них в стойку на руках и отжимался, опуская подбородок между табуреток. Так рука постепенно ожила. Он тренировался всю жизнь, и мышцы сточили осколок снаряда до гладкого состояния. В итоге за много лет они выдавили осколок из локтя, и к концу жизни он переместился ближе к запястью.

Как-то раз зимой Тата позвонила деду, и он рассказал, что только что вернулся с тридцатиградусного мороза — из огорода, где он делал утреннюю гимнастику в одних только шортах, обливался водой из ведра и ходил босиком по снегу. Сетовал, что ему приходится с собой варежки брать. «Зачем тебе варежки, если ты в одних шортах по морозу бегаешь?» — спросила Тата смеясь. «А неудобно: руки к перекладине примерзают, когда подтягиваюсь», — бодро пояснил дедушка, которому тогда уже было под девяносто.

Контуженый и раненый, дед Михаил попал в немецкий плен и провел почти всю войну в трудовом лагере под Берлином. Там он на слух выучил немецкий язык, вслушиваясь в разговоры сотрудников и военных. Выучил так, что потом всю жизнь проработал учителем немецкого языка и даже в глубокой старости читал наизусть Гете.

Уже после смерти дедушки Тата перебирала бумаги в доме и нашла вырезку из старой местной газеты, в которой упоминалась история, случившаяся весной 1945 года. Советские войска уже подходили к Берлину, и немцы впопыхах передислоцировали своих военнопленных — а дед Михаил, заручившись поддержкой американских солдат, в одиночку смог развернуть колонну из девятисот советских пленных офицеров и привести их к советскому атташе. Детали этой истории так и не выяснил никто из близких: при жизни дед Михаил не рассказывал им об этом случае. Вот только той журналистке и рассказал. Он вообще чужим про войну рассказывал куда больше, чем своим.

Удивительно, что при всей силе и твердости характера деду Михаилу было свойственно и глубокое сочувствие, и любовь ко всему живому, и даже ранимость и чуткость. Хотя что в этом удивительного? Чтобы оставаться любящим, необходима большая внутренняя сила. Боже, как он плакал, когда случайно, сослепу — будучи уже в возрасте — залез рукой в гнездо синички, умудрившейся вывести птенцов прямо на крыше небольшой теплицы. Птенцы просочились сквозь его пальцы, выпали из гнезда и рассыпались в высокой траве, бросившись в разные стороны. Дед Михаил упал на колени. «Прости меня, синичка. Что же я за старый неуклюжий дурак?! Прости меня, маленькая. Как же я так? Ой, беда, синичка. Беда...» — он причитал и причитал, шарил руками по траве и плакал, пытаясь найти птенцов, растворившихся в зеленом

колышущемся море. Стоя на четвереньках, старик, смотревший в глаза смерти и видевший ужасы войны, со слезами на глазах просил прощения у маленькой птички.

Не сказать, что он был прост в общении: бескомпромиссное следование своей правде порой делало его совершенно нетерпимым к окружающим. Он мог быть очень резким и жестким, а в гневе и вовсе оказывался несдержанным. Люди побаивались его строгости, но, зная его доброту и отзывчивость, шли к нему за советом и помощью и с благодарностью отдавали учиться к нему в класс своих непутевых детей.

Жена Михаила и бабушка Таты, Дарья, тоже была с характером, но врожденная флегматичность помогла ей ужиться с этим непростым человеком. Однако на одной лишь флегматичности продержаться рядом с ним почти семьдесят лет было бы невозможно. Их любовь всегда была для Таты образцом. Им целого дня не хватало, чтобы наговориться. О чем они там шептались вечерами, лежа в кровати, будто им не по восемьдесят лет, а по двадцать, и жизнь их бурлит событиями? Как им удавалось всю жизнь смотреть друг на друга так, будто они по-прежнему влюблены? «Покутя ты! Опять своими больными руками хватаешься за холодное! Что я, мясо замороженное без тебя не порублю, что ли? А ну, марш отсюда! Готовить она придумала!» — ворчал дедушка Михаил. А бабушка Дарья взглянет на него так ласково своими выцветшими старческими глазами, чмокнет в щеку — он и успокоится. Берегли друг друга как могли. И чем старше становились, тем чаще держались за руки и тем крепче обнимались. Смеялись, глядя друг другу в глаза. Словно боялись, что расставание с каждым днем все ближе.

Мама Таты однозначно выросла папиной дочкой. И не унаследовать его воинские качества она просто не могла. А потому и живет она так же — следуя своей правде и умея по-настоящему любить. Отец Таты тоже упрям и силен духом, только сила его проявляется мягче. И если его собственный отец, дед Николай, бывал порой по-бандитски агрессивен, то сам он всю свою агрессию вложил в работу и карабканье по социальной лестнице: от простого деревенского парня до владельца довольно крупного бизнеса и, пусть не самого успешного, но все же участника политической жизни города П. Именно там они однажды повстречались с мамой Таты и придумали, что в их жизни должна появиться дочь.

Конечно, такие сильные родители были большой поддержкой для Таты. Они учили ее быть стойкой, сражаться и добиваться своего. Но Тате это давалось сложно. Во времена начальной школы папа отдал ее играть в большой теннис, чтобы воспитать в дочери боевой характер. Однажды десятилетняя Тата стояла посреди корта на городских соревнованиях, всухую проигрывая сопернице, абсолютно растерянная и одинокая. Папа сидел на трибуне, наблюдал фееричное поражение дочери и то и дело кричал: «Разозлись на нее! Тата, разозлись!». А Тата искренне не понимала, как можно разозлиться на эту прекрасную девочку — такую ловкую и быструю. Да и зачем? Ведь даже если она разозлится, то все равно никогда не станет такой же замечательной.

В общем, родители, казалось, совершенно не понимали, что Тата сделана из другого вещества. Хотя нет. Понимать они понимали, но вот смириться с этим фактом никак не могли. Ведь это очень страшно, когда твой ребенок демонстрирует совсем иные качества, чем те, которые по твоему мнению, нужны, чтобы благополучно жить в этом мире. Заставляя дочь качать те мышцы, которые у нее оказались не развиты, родители закономерно упускали из виду то, что было дано Тате от природы.

Поэтому раскрыть свои врожденные качества ей предстояло самостоятельно. Но в те времена Тату, как и любого другого ребенка, куда больше волновал вопрос не как быть собой, а как стать такой, какой хотят ее видеть взрослые.

Архангел Михаил

Каждое лето Тата проводила в деревне у бабушки Дарьи и деда Михаила, а иногда приезжала еще на новогодние каникулы. Это было время, полное всяческих чудес. Например, на

чердаке дома жила Золушка! Да-да, самая настоящая. Ее туфельку они с двоюродной сестрой нашли среди кучи вещей, хранившихся в коробках. По вечерам, когда Тата выходила в сени, бывало, что Золушка с ней разговаривала через щель в потолке, сквозь которую с чердака сыпались сухая солома и листья, использовавшиеся в качестве утеплителя. Это позже Тата поняла, что сестра ее разыгрывала, но тогда, в детстве, Золушка казалась ей настоящей.

А в хлеву жили козы. Зимой, когда наступали холода, новорожденных козлят приносили спать в дом, к теплой печке. Они всю ночь смешно стучали маленькими копытцами по фанерному полу и тоненько-тоненько повторяли свое «ме-е-е». К лету козлята подрастали и становились самыми прыгучими существами на планете. Когда выпадала очередь деда Михаила пасти все деревенское стадо коз и овец, — а это, на минуточку, пара сотен голов, — Тата обязательно шла с ним. Всю дорогу то тут, то там над мерной рекой из полусонных животных, качающих мордами, взметались озорные головки и хвостики козлят, соревнующихся в прыжках. Дедушка всегда вел стадо на самые дальние пастбища: трава там росла такая высокая, что Тату в ней порой было даже не видно. Они с дедушкой вытаптывали себе небольшую полянку, усаживались на подстилку и доставали обед: термос с чаем, хлеб, соль, вареные яйца, пару огурцов и сушки. Из зеленой стены травы, стоявшей вокруг них, то и дело высовывались головы животных, почуявших запах свежего хлеба. «Ой! — воскликнула однажды Тата удивленно, увидев большие любопытные глаза, глядящие на нее. — Это же не коза!» Глаза тут же исчезли. Тата с дедушкой быстро вскочили на ноги, и дед мигом поднял маленькую Тату на плечи, чтобы она могла смотреть поверх травы. Молодая олениха улепетывала от них в сторону леса, сверкая копытами и беленьким хвостиком.

А еще в жаркие июльские дни дедушка и бабушка ходили к пчелам в ульи за медом. После они ставили в бане большую медогонку, и мед лился тоненькой струйкой, со звоном укладываясь на дно большого эмалированного ведра. Тата приходила в баню, садилась рядом и пальцем ловила золотистую сладкую жидкость, от которой во рту немного горчило. Мед получался такой теплый и красивый, что остановиться было невозможно. Бабушка обожала мед, это было ее любимое средство от всех на свете болезней. Дарья считала, что только благодаря меду она и смогла дожить до глубокой старости в относительном здравии.

Все детство Таты Архангел Михаил приглядывал за девочкой, как и обещал. Время ее больших испытаний еще не пришло, но нужно было как-то наладить с ней связь. Ту связь, которую она постоянно пыталась разрушить, стараясь стать такой же, как все. Она еще не знала, что многие люди, оказывается, точно так же как и она, прячут эту связь от окружающих, чтобы не чувствовать себя странными.

Одним летом, когда Тате было четырнадцать, от нечего делать, как бы в шутку она училась у соседской ведьмы гадать на игральных картах. Ну как у ведьмы? Просто у молодой красивой женщины, живущей в соседнем доме, но красивой и вправду как ведьма.

По вечерам Тата запиралась в любимом чулане — темном, пахнущем сыростью, — где хранились в шкафах и сундуках старые, а оттого волшебные вещи. Да что там вещи! Сам по себе старинный сундук вмещал в себе столько магии, сколько не было даже в сказочных книжках, — пусть и набит он был всего-навсего вековым запасом новых кальсон, постельного белья, ночных сорочек и кухонных полотенец, которые так никому и негодились.

Рядом на стеллаже лежали рулоны цветной бумаги. Бабушка говорила, что их нельзя трогать, потому что это специальная бумага, из которой будут делать цветы для похоронных венков. Она, как это свойственно, пожалуй, всем деревенским бабушкам, очень заботилась о своих будущих похоронах, чтобы никому из семьи не пришлось ничего искать и покупать. Она как будто забыла, что время страшных советских дефицитов закончилось, а потому все в ее доме запасалось наперед не только для себя, но и для детей и внуков. Бумага эта была закуплена так давно, что успела выцвести даже в темном чулане, но ее берегли и не выкидывали.

В старом кухонном шкафу, стоявшем у дальней от входа стены, хранились остатки посуды и прочая мелочовка, о существовании которой все давно забыли: в чулан этот мало кто заглядывал, а в шкаф вообще никто, кроме Таты, не совался уже несколько лет. В стене было малехонькое окошко, почти полностью загороженное стеллажом. Да и без этого стеллажа свет едва ли просочился бы сюда даже днем, потому что окно это было покрыто пылью и паутиной с обеих сторон. Еще и огромные кусты ирги снаружи почти полностью закрывали его от солнца.

Зато в чулане стоял торшер, старый, как и все в доме, и со сломанным набалдашником. Он тоже жил в этой волшебной комнате уже не один десяток лет, но светил исправно. Тата включала его и накидывала сверху прозрачный кусок ткани, отчего свет становился мягким и теплым. Медовые лучи ложились на неровные обои и освещали часть кровати, стоявшей у стены.

Здесь, в своем маленьком мире, Тата чувствовала себя по-настоящему хорошо — это было особенное место, принадлежавшее только ей. А ведь это так важно знать, что у тебя есть свое отдельное место. Тут она играла, фантазировала вслух и разговаривала сама с собой. Порой ей казалось, что духи старого дома подслушивают ее, и тогда она рассказывала им сказки, придуманные на ходу, чтобы им не было скучно. И даже став почти взрослой, она приходила в этот чулан, когда хотела остаться наедине со своими мечтами и мыслями.

В один из таких дней Тата сидела на кровати, держа в руках игральную колоду рубашкой вверх, и пыталась угадать, какой будет следующая карта, которую она вытащит. Нужно было угадать не только номинал, но и масть.

— Крестовый валет, — подумала Тата и вытащила крестового валета.

— Десятка пик, — нашептывал ей кто-то сверху.

— Десятка пик, — повторила Тата и вытащила именно ее.

— Бубновая шестерка, — снова сказал знающий все наперед голос.

— Бубновая шестерка, — произнесла вслух девочка, переворачивая следующую карту и удивляясь очередной удаче.

После десятой подряд угаданной карты Тата вдруг отложила колоду. На самом деле она, конечно же, не слышала никакого голоса. Правильнее будет сказать, что знание просто загрузилось в нее, становясь ее собственным. Впоследствии почти все, что ей надо будет знать, будет поступать ей либо так, либо во снах, и она к этому постепенно привыкнет. И даже в какой-то момент научится почти без страха говорить об этом людям, но сейчас она испугалась. Ведь одно дело в шутку гадать на жениха, а другое дело — вот так. Да и вообще, чертовщина какая-то.

«Слышит», — подумал Архангел Михаил и улыбнулся. Проверка связи прошла успешно. Но он знал, что связь эта хрупкая и с легкостью будет заглушена даже самыми тихими сомнениями Таты в своей нормальности.

Вообще, надо сказать, Архангелу приходилось непросто: воспитанная настоящими бойцами, рассудительная, обладающая логическим мышлением девочка отчаянно сопротивлялась этой своей необычности. Нет, она ее признавала, но билась с ней насмерть, ведь из-за упертости сродни дедовой сдать ей она просто не могла.

И как при этом Тате удалось сохранить незримую связь с Архангелом? Ведь как правило, ум боится всего необычного: чудеса рушат логику, на которую он привык опираться. Именно поэтому в чудеса всегда верят сердцем, а не головой. А тот, у кого есть сердце, пренебреженно и обязательно верит в чудеса, даже если и прячет эту веру от самого себя.

Земляника

Казалось бы, жизнь Таты была весьма благополучной: она росла в полной семье, родители заботились о ней, ее любила вся родня. И наполненное сказками детство должно было уверить ее в том, что жизнь прекрасна. Но все было не совсем так.

Внутренний мир Таты был раздроблен на фрагменты, из которых она пыталась себя собрать, совершенно не понимая, какая она на самом деле. Вот она, семилетняя девочка с ободранными коленками, сидит на верхней ветке большущей липы возле деревенского дома бабушки с дедушкой. Дед Михаил посадил эти липы сразу после войны. Они стали крепкими взрослыми деревьями, и теперь их сладкий летний аромат обволакивал всех, кто шел мимо по деревянному тротуару. Тата смотрит, как медленно садится солнце, сползая с неба за окраину поселка, далеко-далеко за темнеющий лес, в котором полно грибов, заячьей капустки и оводов. Там, в лесу, есть земляничная поляна, а посреди поляны — старый пенек.

Вот Тате лет шесть, на ней сарафан, красный в белый горошек, переделанный мамиными руками из собственной юбки. В пояс вставлена резинка, юбка натянута на грудь и перевязана шнурком на талии. Вуаля! — сарафан готов. Тата сидит на пне, а мама собирает землянику в ладошку и приносит ей горсти мелких ягод, засыпает сладость в смеющийся детский рот, измазанный соком, и снова идет собирать для нее красные ароматные бусинки. Яркое, как сарафан, воспоминание. Наверное, мама тогда сыпала Тате в рот не ягоды, а целые пригоршни своей любви, в которой так нуждается каждый ребенок на свете. Это было одно из самых счастливых мгновений ее детства, когда мама принадлежала только ей, ведь после рождения младшего брата мамы стало вдруг очень мало.

Вот Тате четыре года, они с мамой лежат на диване и выбирают имя для будущего братика или сестренки: еще не знают, кто родится. Не знают, что Тате придется стать гораздо взрослее своих четырех лет, ведь маме нужно будет теперь заниматься еще и малышом, а Тата уже не малыш, хоть и нуждается в маме по-прежнему.

Что было до этого, Тата плохо помнила. Только ясли врезались в память, хоть ей и было тогда всего полтора-два года. Во время тихого часа в садике нельзя было плакать: иначе накажут и унесут «спать на горшок». Это когда тебя отправляют в туалет одного, сажают на горшок и не разрешают вставать — и ты сидишь там один, пока не уснешь, вдоволь нарежевшись и умолкнув от усталости. Единственный способ избежать этого страшного наказания — ни в коем случае не плакать, а уткнуться в стенку и спать.

Тата бережно хранит свою память. Она помнит этот лес и эту поляну и приходит туда посидеть на старом, покрытом мхом пне, даже сейчас, уже будучи взрослой женщиной, — в своих воспоминаниях, в те самые моменты, когда ей не хватает маминой земляники. Сейчас этой поляны уже, наверное, не существует, но семилетняя Тата на верхушке липы знает: пока что эта поляна все еще там, и от этого ей хорошо. Она держит во рту соломинку, медленно пускает через нее капельку слюны и смотрит, как та пузырится на выходе. Тата представляет, что она уже взрослая и курит сигарету. Тут, на дереве, она чувствует себя восторженно живой, особенно когда кто-то внизу идет и даже не замечает ее. Это так здорово, когда для взрослых тебя как будто нет. Но ты-то знаешь больше них! Ты знаешь, что ты точно есть. Точно-точно! Потому что вот же ты. А они не знают. И ты можешь не думать о том, как себя вести и каким быть. Ты можешь просто быть.

А вот Тата идет в школу зимой после долгой болезни. Учительница заставляет ее встать при всем классе и слушать. Она кричит, что Тата не сдала какие-то поделки, которые они готовили на уроке труда, но Таты же не было в школе, Тата болела. Она пытается это сказать, но учительница не слышит, потому что гнев захватывает ее всю целиком. Девочка замолкает, опуская в пол глаза из-за жгучего стыда и обиды. Целый вечер они с мамой готовят поделки, которые нужно сдать. Тата уверена, что она виновата, ведь учительница так кричала. А даже если не виновата, то все равно виновата и нужно во что бы то ни стало все исправить — иначе

будет стыдно, как тогда, в классе, когда ей хотелось просто исчезнуть, лишь бы только не было этого позора и горьких слез после.

Подумаешь, драма! Все так жили, и нормально было. Однако массовость явления вовсе не делает его нормальным. У всех детей, которые были сделаны в СССР в это время, помимо одинаковых колготок, одинаковых шапок на резинке, спортивных костюмов, трусов и маек, книжек и игрушек, были еще и одинаковые душевные раны. А кроме стандартного набора, у каждого был еще свой индивидуальный.

— Ты любишь кататься на лошадке? — спросила врач пятилетнюю девчушку. — Мы сейчас с тобой поедem кататься. Я заверну тебя вот так в простынку, и мы поедem. Хорошо?

На самом деле никто не ждал от Таты согласия. Ее просто замотали в какую-то пеленку, как в смирительную рубашку: крепко стянули маленькие ручки за спиной, туго обмотали ноги и усадили в кресло. Она плохо помнит, как именно ее держали, пока она извивалась как червячок, ощущая дикий животный страх. Ей открыли рот и сунули туда нож. Она помнит, как больно и страшно скребло в горле, с каким звуком кровь лилась в белый металлический поддон. Помнит свой крик, свое бессилие; помнит, как крик этот захлебнулся в крови и превратился в стон; помнит железный привкус во рту, рвотный рефлекс и то, как она выплевывает в поддон куски самой себя. Все закончилось быстро, кроме боли и страха из-за связанных за спиной рук и тотальной беспомощности.

Пару лет спустя Тата лежала в больнице с гайморитом, и доктор решила, что девочке нужно снова вырезать аденоиды. Тата сказала тогда, что ее не нужно связывать, она сама будет держать поддон. Она спокойно села в кресло, взяла поддон маленькими ручками, подставила его под голову и открыла рот. Снова был стон и рвотный рефлекс, снова она выплевывала куски себя с кровью. Но в этот раз никто ее не связывал, никто не принуждал, она все сделала сама, как взрослая. Это не они делали с ней что-то ужасное. Это она сама делала что-то ужасное с собой. Так было спокойнее.

— Настоящий боец! Молодец! — похвалили ее врачи прямо при маме, когда та пришла навестить Тату в больнице.

С тех пор Тата многое могла сама с собой сделать: поставить себе укол; вскрыть и вычистить нарыв на пальце, удалив ноготь, при помощи ножниц и бутылки водки; вправить самой себе вывихнутое колено. Она могла многое выдержать, стиснув зубы, если ей удавалось убедить себя, что сейчас так надо и что она молодец. А иногда ей казалось, будто она заслужила боль своей плохостью.

Советская школа художественной гимнастики предполагала, что каждая спортсменка, даже если ей и не суждено стать олимпийской чемпионкой за неимением данных, все равно должна страдать так, будто из нее выйдет толк. Чем громче орала тренерша, чем более извращенные методы использовала, тем больше она могла выбить из своих подопечных медалек и красоты. Возможно, были и какие-то другие тренеры, но Тата видела только таких. Когда ей было шесть лет, тренеру по гимнастике стало ясно, что чемпионки из этой девочки не выйдет. Тогда Тату забрала к себе в танцевальный коллектив другая тренерша, проводившая занятия в той же спортивной школе. Бывшая гимнастка, а позже солистка знаменитого танцевального ансамбля, сделавшая собственную карьеру и наверняка прошедшая через многое сама, тренировала как умела. По ее мнению, создать из сборища маленьких детей звездный танцевальный коллектив без эмоционального давления и битья было невозможно. Это был бы уровень самодеятельности в пионерлагере или в лучшем случае середнячок.

— Посмотри на себя! Ты что, у бабушки все лето кашу жрала, что ли? Задницу свою от пола оторвать не можешь! Выше давай! — орала тренерша. — Отрастила себе. Посмотрите на нее все! Тата, ты суперпупс у нас теперь?

Восьмилетняя Тата заливалась краской. Снова как тогда, в школе. Все сорок человек смотрели на нее и, как ей казалось, презирали. Хотя нет, не все. В коллективе еще оставались

девочки, которые почему-то продолжали с ней общаться, несмотря на ее тупость и бездарность. Но это просто они были такие хорошие и добрые, а она этого совершенно не заслужила, ей просто очень повезло, что они есть.

Все девочки были такие красивые, а она была какой-то не такой. А чтобы стать такой, как они, ей надо было терпеть. Все терпели, и она решила терпеть. Ведь на того, кто лучше, меньше орут, и ему не так больно, когда его тянут. А ей очень больно. Вот Тату вместе с остальными девочками укладывают на пол лицом вниз, и все они послушно складывают руки в замок на затылке, как маленькие арестанты. Тренерша двигается от одной девочке к другой. Тата ждет. Ее очередь приближается. Тренерша подходит, берет ее за локти и сгибает назад, головой до самой попы. Кричать в таком положении невозможно: это не крик, а сдавленный тихий вой. Пусть это и больно, но зато поможет быстро стать гибкой и красивой. А чтобы растянуть поперечный шпагат, Тату сажают на пол спиной к опоре спортивного коня: одну ногу заводят за вторую опору коня, а другую ногу тянут сколько вздумается. Тата кричит и пытается высвободиться, но ничего не получается. Тренерше безразличны ее крики и слезы, которые все равно быстро высохнут. Слезы всегда быстро высыхают, если речь идет о маленьких упертых девочках, которые изо всех сил стараются стать лучше, чтобы взрослые наконец уже их похвалили.

Родители не знали, что происходило на тренировках. А если бы узнали, то забрали бы Тату оттуда немедленно. Но она никогда им не рассказывала об этом, ведь они гордились тем, какая она спортивная. Да и вообще, все нормальные дети чем-то занимаются. Чем она хуже? Ей было бы ужасно стыдно рассказать им, что она вечно недотягивает, потому что, по выражению тренерши, она кривая и деревянная, как Буратино. Нет, родители никогда не обвиняли ее в том, что она какая-то не такая. Просто это один из самых распространенных выводов, которые делает маленький ребенок, сталкиваясь с отвержением. Точнее с тем, что он воспринимает, как отвержение, даже если оно таковым не является. Порой это всего лишь объективная необходимость родителей быть в эмоциональном контакте с кем-то еще, например с младшим ребенком. Или необходимость зарабатывать деньги или переживать свое личное горе. Одни дети могут это переварить, а другие — нет.

Вот Тате исполняется девять лет. Это ее день рождения, и в их квартире собралась куча-мала из детей и взрослых. Праздник уже давно в разгаре. Взрослые в гостиной, они выпивают, танцуют, смеются, дети дурят в одной из комнат, — у каждого поколения свое место и своя светская жизнь. В комнату входит мужчина, он пьян. Он говорит детворе, что на столе в гостиной появились сладости. Все срываются и наперегонки выбегают из комнаты. Тата всех пропускает вперед и уже собирается вынырнуть за дверь, но она вдруг закрывается у нее перед носом. Мужчина берет ее за руку. «Иди ко мне, посиди у меня на коленках немножко», — говорит он. Взрослых надо слушаться. Это знали все советские дети. Пусть внутри есть смущение, нежелание и страх, но показаться непослушной — куда хуже. Тата не помнит, сколько времени она просидела на тех мерзких коленях, помнит только, что была парализована. Отвращение, ужас, сжимающий все внутри, стыд, гнев и растерянность — гремучая смесь из чувств не дает ей даже шевельнуться. Или это его рука так крепко ее держит? Через какое-то время в комнату заглядывает женщина. Мужчина ослабляет хватку. Кажется, женщина понимает, что происходит. Она быстро хватается Тату за руку и уводит к взрослым и сладостям. «Этого не было, ничего не было!» — говорит сама себе Тата и забывает об этом на двадцать шесть лет. Но однажды она вспомнит, когда будет уже взрослая и сможет выдержать это.

А пока внутри маленькой Таты, станет будто бы две Таты, а с годами — целое множество. И потому вся окружающая реальность будет восприниматься ею не целиком, а в зависимости от того, какая из ее частей с этой реальностью взаимодействует. И потому у нее не будет никаких внятных ответов на вопросы: кто я и чего хочу, какая я, что мне нравится, что я чувствую. Ответы будут звучать в ней многоголосьем, в шуме которого нельзя расслышать ничего конкретного.

Каждый день после уроков Тата с одноклассницами проходила мимо киоска с пирожными и смотрела, захотят ли они пирожное и какое. И если «нормальные» девочки покупали себе заварные, то Тате было куда проще повторить за ними, чем задавать себе вопрос, ответа на который она не знала. Раз они хотят заварные, то и она, наверное, хочет заварное? Ведь так? Признаться им, что она не знает, чего хочет и хочет ли вообще, было стыдно. Но девочки все равно замечали, что она все время копирует их, а Тата замечала, что они замечают и хихикают. Иногда они даже издевались над ней, предательски быстро меняя свои желания прямо на ходу, и в такие моменты Тата ужасно терялась. Поэтому ей очень хотелось стать взрослой: взрослые, как ей казалось, точно знают ответы на все вопросы. Им не нужно стыдливо прятать настоящих себя и проглатывать пусть и сладкое, но не ими самими выбранное пирожное.

С чувствами своими ей тоже было сложно. Она могла так глубоко и ярко проживать смерть аквариумной рыбки или лягушонка, на которого случайно наступила, перебираясь через небольшой ручей, что родители начинали опасаться за нее. Она как будто слишком драматизировала, но нет, она на самом деле так чувствовала. Родители старались научить ее контролировать свои эмоции, но ворох чувств от этого никуда не девался. Тата просто складировала их в дальние углы сознания, никак не научаясь с ними быть и совершенно не умея их распознать. Со временем она почти совсем перестала их слушать и оттого чувствовала себя дезориентированной. Как если бы обладателя острого слуха, который не может спокойно выносить громкие звуки, лишили бы слуха совсем.

Несмотря ни на что, Тата старалась научиться хоть как-то понимать себя и свои желания, и со временем у нее стало получаться. Хотя, если быть точнее, она постепенно начинала лучше понимать не свои желания, а распознавать то, чего она не хочет, и что ей точно не подходит. Скажем так, в какой-то момент ей начинали претить упомянутые заварные пирожные, и тогда она переставала их есть. Что ж, тоже рабочий способ получить какую-то определенность. Иногда, чтобы стать настоящим собой, не нужно делать ничего особенного — нужно для начала просто прекратить делать все то, чем ты не являешься, и то, что тебя разрушает.

Одним из событий, подтолкнувшим Тату к таким изменениям, стала болезнь деда Николая. У него случился инсульт: его частично парализовало. Он был доставлен в ближайшую больницу, а все родственники моментально мобилизовались для оказания помощи. Семья Таты срочно выехала в поселок, где жили родители папы, чтобы помочь с выпиской, закупкой лекарств и уходом за лежащим человеком. В итоге Тата пропустила воскресную тренировку по танцам. А это была самая важная тренировка на неделе: только в воскресенье коллектив мог собраться полным составом для прогона всех танцевальных номеров, поскольку дети учились в школах в разные смены.

Утром понедельника, печальная и уставшая после тяжелых выходных, Тата пришла на тренировку. Она немного опоздала, еще и замешкалась в раздевалке и вышла оттуда последней. Закрыла раздевалку ключом, прошла в тренировочный зал, поздоровалась и положила ключ на стол, за которым стояла тренерша.

— Ты где вчера была, корова?! С какой стати ты пропустила тренировку? — спросила тренерша без всякого приветствия.

Тата подняла глаза и взглянула на тренершу сверху вниз, будто внезапно поднявшийся внутри нее гнев вдруг сделал ее выше ростом. Она выдержала короткую паузу. И неожиданно для самой себя громко ответила, с достоинством глядя тренерше прямо в глаза:

— Сама ты корова! Пошла ты на хрен!

Тренерша опешила.

Руки и ноги дрожали, но Тата сделала уверенный шаг вперед, взяла со стола ключ от раздевалки и вышла из зала. И уже в коридоре, от волнения опередившись на стену, она вдруг снова почувствовала себя маленькой. В этот зал она больше никогда не вернулась.

Небо. Отдел сопровождения жизни

В тот день, когда Архангел Михаил зачерпнул горсть белоснежных пылинок и вдохнул душу внутрь маминого живота, на Небе в отделе сопровождения жизни из небольшого радужного яйца вылупилась точная копия души Таты. Она была легка, как души всех детей, рождающихся на Земле. Но, как и сами дети, все души в отделе сопровождения жизни были разными. Тот набор качеств, который требовался Тате на Земле для воплощения большой задумки Неба, предполагал ее повышенную воздушность. На Земле эта воздушность воплощалась через хрупкость и особую чувствительность, а на Небе это означало, что она в любой момент может улететь высоко в пространство небытия, что было расположено этажом выше, и потерять связь с собой земной. Если только ее не закрепить надежным образом.

Архангел Михаил поспешил в отдел сопровождения жизни, чтобы отдать нужные распоряжения. Вокруг души Таты было создано несколько защитных оболочек, внутри которых она должна была спокойно расти, а оболочки придавали ей вес. И теперь, пока душа не вырастет и не наберет собственную массу, она будет держаться за жизнь при помощи этой нехитрой конструкции.

— Душа по Небу и душа по Земле — это суть одно и то же, только существующее в разных мерностях, — терпеливо объяснял Архангел молодому Ангелу. — Одно является отражением другого и наоборот, а потому одно без другого не может существовать. Они связаны друг с другом и знают друг о друге все, потому что это знание является для них одновременно знанием о самих себе.

Они бродили по отделу, где молодому Ангелу еще не случалось побывать. Отдел представлял собой огромное светлое пространство, которому не было конца и края. Повсюду парили ангелы-хранители, бережно следящие за вверенными им человеческими душами, и молодой Ангел смотрел на них с восторгом.

— Так душа по Небу может проживать опыт, доступный душе земной, находясь при этом в ином пространстве, — продолжал Архангел. — А душа земная всегда имеет доступ к знаниям души небесной и может видеть все происходящее с ней самой через Небо, оставаясь при этом в человеческом теле.

Молодой Ангел вдруг остановился и пригляделся, будто заметил кого-то знакомого в толпе.

— Да-да, это она, душа Таты, — улыбнулся Архангел Михаил.

Молодой Ангел восхитился и взглянул на Архангела с удивлением.

— Она подросла!

Тот засмеялся.

— Конечно. Небесная душа растет, когда земная душа обретает опыт.

— Но она же скоро упрется в свою оболочку! — заволновался Ангел. — И тогда не сможет расти дальше!

— Да, и будет вынуждена ее разорвать.

Молодой Ангел снова вопросительно посмотрел на своего учителя.

— При помощи любви, — развел руками Архангел. — Без любви ни одна душа не выйдет за пределы защитных рубежей. Смотри! — сказал он молодому Ангелу, а сам устремился вниз.

Там, на Земле, в большом танцевальном зале стояла маленькая Тата. Архангел аккуратно приподнял ее над полом, примерно на метр.

— Сама ты корова! Пошла ты на хрен! — прокричала она от всей души и вышла из зала...

Молодой Ангел перевел взгляд на небесную душу девочки. Она вдруг начала расти и в считанные секунды увеличилась до такого размера, что первая ее оболочка лопнула, как воз-

душный шарик. Ангел даже вздрогнул от неожиданности. Он хотел было снова посмотреть вниз, но Архангел Михаил тут же возник рядом с ним.

— Она впервые сделала такой серьезный выбор в пользу самой себя и не пошла на поводу у своего страха. Отказалась делать себе больно, понимаешь? — пояснил Архангел, опережая вопросы своего подопечного.

— Получается, и это тоже любовь? — как-то по-детски наивно спросил молодой Ангел.

— И это. И есть еще очень много разных ее форм и проявлений.

В этот день в небесной канцелярии был большой праздник. Соучастники творения Таты отмечали прорыв первой оболочки и позвали всех, кто пробежал мимо. Радости не было предела. А чему им там, на Небе, еще радоваться, если не человеческим победам? Они за людскими жизнями наблюдают, как болельщики за ходом футбольного матча. Только если на поле — две команды, то тут игрок один, и борется он сам с собой.

Молодой Ангел задумчиво стоял немного в стороне от шумной толпы божественных существ и пытался осмыслить увиденное им сегодня.

— Я все смотрю на людей и размышляю, не слишком ли много они думают? — почему-то вслух спросил он неизвестно у кого. — Ведь человек по природе своей не должен же соглашаться терпеть насилие? Это же какая-то мысль заставила ее это делать. И тогда выходит, что ум людям часто мешает?

Рядом вдруг появилась богиня Исида.

— Он им не мешает, они им просто пользоваться поначалу не умеют, — сказала богиня, поправляя подол платья. — Я вот помню, когда тебя летать учила, тоже думала: зачем тебе крылья дали? А потом вроде ничего, разлетался.

Архангел Михаил, слышав их беседу, решил вмешаться.

— Исида, дорогая, вы сегодня пассивно-агрессивны, что случилось? — улыбнулся он.

— Я не пассивно, я активно агрессивна, дорогой Архангел. Это у вас природа чисто ангельская, а мы, в отличие от вас, боги человеческие, на Земле родились. И характер у нас тоже вполне себе людской: можем иногда и в эмоции провалиться. Вот, Осирис у меня опять куда-то пропал, — жаловалась Исида. — И ведь просто на рыбалку ушел. А я все думаю, что опять где-то там лежит расчлененный, собери его потом по болотам Египетским.¹

— Исида, ну вы же давно не на Земле, с вами ничего нового произойти не может, вы же знаете, — подключился к разговору Святой Николай.

— Ах, дорогой Николай! Я травмирована своим вечным прошлым! И в этом заключается мое служение до сих пор, — гордо ответила Исида и по-доброму улыбнулась.

Возможность пококетничать и общее участие сделали ее мягче. Архангел Михаил нежно приобнял за плечи взволнованную богиню.

— А хотите мы вас, Исида, к Тате отправим? Она же у нас психологом будет в свое время, если решится, конечно.

В общем, праздник прошел весело. Даже Исида расслабилась и перестала волноваться, а к вечеру подтянулся и сам Осирис. Ангелы порвали два баяна, пока пели свои ангельские песни. Египетский бог войны Анхур трижды порывался повыдирать кому-нибудь перья, но ему пригрозили, что позовут богиню Кали, и она отрежет ему голову.

— Ну я же не со зла, а забавы ради! — возмутился Анхур.

¹ Как рассказывает древний египетский миф, Осирис и его жена Исида правили Египетским царством. Сет, брат Осириса, завидовал ему. Он заманил Осириса в ловушку, закрыл его в саркофаге и бросил в воды Нила. Исида нашла саркофаг и оживила тело Осириса. Тогда Сет снова выследил Осириса, разрубил его на части и разбросал по разным частям Египта. Исида вновь нашла и собрала все части тела вместе и ненадолго смогла оживить Осириса. Затем она обратилась хищной птицей и зачала от него сына, Гора, которого родила в тайне от Сета. Исида считается богиней-матерью, покровительницей всего живого и символом супружеской верности.

— Она тоже! — рассмеялись ангелы.

Глава вторая. Взрослая жизнь

Внутренний голос

Тата выросла. Она с успехом окончила школу, потом бакалавриат по экономике, поступила в магистратуру одного из ведущих университетов России и переехала из города П. в Москву. Вместе с большой компанией однокурсников она поселилась в общежитии в районе заповедника Лосиный Остров. И хотя в Москве ей бывало непросто с бытом и учебой, она чувствовала себя гораздо лучше, чем в детстве. Тате казалось, что у нее отлично получилось стать нормальным человеком. Она хорошо училась, в вузе ее уважали, родители были ею довольны, и в личной жизни все тоже было очень даже неплохо. И так бы она и не вспоминала про свою ненормальность, если бы не одно происшествие.

Это был сентябрь 2006 года: в Москве стояла яркая и теплая осень. В заповеднике находилась небольшая конюшня и школа верховой езды, где Тата брала уроки. До школы нужно было идти минут сорок через лес по широким красивым просекам. Там обычно было много людей, особенно в такую хорошую солнечную погоду, как тогда: гуляли мамочки с колясками, пробегали спортсмены, проезжали велосипедисты, прогуливались дедушки с бабушками под ручку.

В день, о котором пойдет речь, Тата торопливо собиралась, поскольку уже сильно опаздывала на урок. Она схватила телефон и деньги, выскочила из комнаты, добежала до лифта и нажала кнопку. Лифт долго не ехал, и она ругалась на него. Но в тот момент, когда двери открылись, она уставилась в пустую коробку лифта и совершенно четко услышала внутри себя: «Возьми нож». Ну как услышала? Это не было голосом — это была мысль, настолько ясная и внезапная, что на миг заглушила все остальные. Однозначная, как приказ.

Тата побежала обратно в комнату, нашла небольшой складной нож, раскрыла его, завернула в носовой платок и побежала обратно к лифту. Опаздывала она теперь еще больше. На время урока она отдала телефон и нож инструктору, который всю дорогу смеялся и говорил, что работает здесь уже много лет, но еще никогда не слышал, чтобы в местном лесу водились маньяки, от которых следует отбиваться ножом.

После занятия Тата отправилась обратно в общежитие, болтая по телефону с другом. Просека была длинная, прямая, и оттого просматривалась далеко вперед. Навстречу ей проехал мужчина на велосипеде: они встретились глазами, слегка задержавшись взглядами друг на друге, но оставаясь при этом каждый в собственных мыслях. Тата закончила разговор и убрала телефон в карман, а нож, завернутый в носовой платок, продолжала держать в руке.

Неожиданно она обнаружила, что просека стала совсем пустой и тихой. Тата обернулась. Вдалеке по просеке бежал мужчина. Она почувствовала: здесь что-то не так. Он не был похож на спортсмена, бегающего на большие расстояния, и одет был не так, как одеваются на пробежку. И возник он как-то внезапно. Фигура приближалась, и Тате вдруг показалось, что он очень похож на того велосипедиста. Она отошла на обочину просеки, решив пропустить его вперед. Что-то не позволило ей снова повернуться к нему спиной. Вся обочина была усыпана желтыми листьями, они прели на мокрой земле под солнцем и делали ее очень скользкой. Сама обочина довольно резко шла под уклон, превращаясь в небольшой овражек. Тата ждала.

Когда мужчина был уже совсем близко, она поднесла носовой платок к лицу и притворилась, что вытирает им нос. Мужчина, не сбавляя скорости, двигался вдоль той же стороны просеки, где стояла она. Поравнявшись с ней, он резко развернулся, сделал прыжок в ее сторону, обхватил руками и попытался повалить на землю. «Ты меня любишь?!, — закричал он. — Ты меня любишь?!» Как она устояла на скользких листьях, еще и на склоне? Она сделала

шаг назад, а он, повиснув на ней, продолжал всем весом валить ее вниз. И повторял только одно: «Ты меня любишь? Ты меня любишь?»

Тата до сих пор помнит, каким пронзительным был ее крик. Он превратился в звериный вопль, от которого у нее самой зазвенело в ушах. Казалось, он прорывался сквозь нее, как сквозь портал. Будто бы шел откуда-то из другого измерения. Рука с ножом нанесла первый удар, он попал нападавшему в плечо. Замах — еще один удар в плечо ближе к шее. Мужчина поскользнулся на листьях, но все еще держался. Третий удар пришелся куда-то в спину. Он поскользнулся еще раз, отпустил руки и оказался на четвереньках. Тата сделала шаг, замахнулась и всадила нож в четвертый раз. Она ударила в район лопатки, ближе к позвоночнику. Его темно-синего цвета футболка лопнула, и в ту же секунду, когда Тата вытащила нож, вокруг прорези в ткани образовалось большое мокрое пятно крови. Она смотрела, как пятно быстро увеличивается в размерах, и ей казалось, что она наблюдает непозволительно долго. На самом же деле все происходило очень быстро.

Нападавший точно не ожидал такого поворота. Тата вышла на просеку и направилась дальше — сначала простым шагом. Голова заработала не сразу, ей потребовалось несколько секунд, чтобы начать соображать. Она оглянулась и увидела, что он встает. «Беги!» — прозвучал новый приказ.

Просека сначала шла прямо, а потом сворачивала и долго петляла. Но если срезать через лес, можно было довольно быстро добежать до пруда, где всегда были люди. «Через лес», — услышала команду Тата. Она бежала как никогда в жизни, перепрыгивая через лежащие стволы деревьев, прорываясь сквозь кусты, прикрывая руками лицо от веток, — и не издавала ни звука, чтобы не выдать себя, до самого пруда. А дальше ноги подвели, и она упала прямо посреди дорожки, идущей вдоль берега. Тата пыталась дышать, но не могла выдохнуть и как рыба глотала ртом воздух. Живот скрутило от боли, а ног она не чувствовала вообще. Она старалась встать, но снова валилась на землю. И тогда она просто поползла на локтях, все так же держа в руке нож, завернутый в носовой платок.

Мимо прошли десятки людей, но ни один не приблизился к ней, чтобы поинтересоваться, не нужна ли ей помощь. А попросить сама она была не способна, просто не могла говорить. Тата медленно поползла вдоль пруда несколько сотен метров. Прохожие наверняка думали, что она пьяна. Под конец она отдышалась и смогла позвонить соседкам в общежитие, и они помогли ей встать и под руки привели Тату домой, где ее ждали крепкая настойка и черный чай.

— Слышит? — спросил Архангел Святой Николай, глядя вниз на спасшуюся Тату.

— Слышит. Больше не отрицает, что слышит, но пока что слышит только предупреждения о плохом. А надо бы ее направлять, не только предостерегать, а то мы так еще несколько жизней провозимся с этим делом.

Архангел сопровождал ее и потом — в больнице, где Тата сдавала кучу анализов: пока она ползла, она разрезала себе этим же ножом руку. Он был рядом, когда от страха она закрывалась на все замки, если оставалась одна. Он успокаивал ее, просыпающуюся по ночам от кошмаров: в них то она преследовала напавшего на нее мужчину, то он сам снова бросался на нее. Архангел убаюкивал ее все ночи напролет, вытирал ей слезы, замедлял биение сердца и согревал ее холодные ладони и стопы, пока она совсем не перестала бояться.

— Полагаю, она уже чуть меньше сопротивляется твоим беседам с ней? Как тогда, в детстве, карты в сторону уже не отбрасывает? — спросил Святой Николай как-то раз при встрече с Архангелом.

— Верно говоришь, — кивнул Архангел. — Кстати, как там дед Михаил?

— Он начал много размышлять о Боге. Дарья телом стала совсем слабая, только в глазах свет божий и остался. Но душа никуда не делась. Тут на днях такое дело было: душа ее уже было уйти хотела, но ангела своего увидела. Тата, ее тетя Люся и дед Михаил его призвали. А душа и обрадовалась, снова в тело вернулась. Все же любовь эта земная — приятная штука.

Дед Михаил испугался не на шутку, потом всю ночь просил, чтобы после смерти его в рай отправили. Ему не то что ад страшен, нет. Он просто к ней хочет, к Дарье, а она-то точно в раю будет. В общем, все по плану. Еще шесть лет у него есть, чтобы поверить, тем и спасется.

В тот день, о котором рассказывал Святой Николай, Тата возилась на кухне, отделенной от большой светлой комнаты свежепобеленной русской печкой. Тетя Люся, мамина старшая сестра, занималась какими-то документами, а бабушка Дарья тихо спала в кровати. Внезапно, бросив свои нескончаемые дела в огороде, в дом влетел взволнованный дед Михаил. «Тата! Она почти не дышит!» — громко сказал дед, указав на бабушку Дарью. Как он почувствовал? Тата очень аккуратно повернула голову бабушки немного набок и метнулась за тонометром. Тетя Люся уже звонила в скорую, а дед ножницами разрезал платье, сдавившее Дарье грудь. Вскоре после приезда врачей и укола бабушка пришла в себя. Едва открыв свои серые глаза, она возбужденно заговорила:

— Тата! Тата! Ко мне приходила женщина и дала подарок!

— Какой подарок, бабушка? — спросила Тата, присев к ней на кровать и поглаживая ее по редким седым волосам.

— Я не знаю. Она была в таком длинном светлом платье. Поздоровалась и говорит: «Возьмите! У меня для вас подарок». Я ей ответила, что я ее не знаю и никаких подарков у чужих людей брать не стану. И что не нужно мне от нее ничего, мне вообще ничего чужого не надо. А она мне говорит, что это не чужое, что это специально для меня подарок. И сунула мне что-то в руки. И как только я этот подарок взяла, так сразу открыла глаза, и тут ты стоишь! И я так рада, Тата, что я тебя в тот момент увидела. Что это за женщина была, не знаю.

— И я рада, что ты подарок взяла. Ты молодец, бабуль. Ты больше не отказывайся, ладно? — сказала Тата. После пережитого ею нападения она ни разу больше не усомнилась в том, что ангелы и вправду существуют.

Мед и смерть

Бабушка Дарья умерла осенью — спустя четыре года после этого разговора: ровно в полночь ее сердце остановилось. Тихо-тихо, будто тело ее знало, как это делать — без агонии, без мучений. Как будто что-то невесомое, что жило внутри нее, вдруг мягко выскользнуло через ее приоткрытый рот вместе с последним выдохом. Оно поцеловало в лоб свое еще теплое тело, поправило сбившиеся волоски на висках, взглянуло на деда Михаила с самой нежной любовью, какая только может существовать, и вдруг исчезло.

Похороны проходили тоже тихо, по-деревенски. Гроб, усыпанный цветами, стоял в сенях, там же стояли стулья для всех, кто хотел прийти попрощаться. Тетя Люся едва слышно читала над телом умершей псалтырь. В доме тоже говорили вполголоса, готовили еду, мыли, разбирали вещи, встречали приезжающих родственников, готовили им постель, о чем-то смеялись, вспоминая прошлое, заказывали поминальный обед. Вся эта похоронная суэта разбавляла трагичность момента, наполняя дом простой житейской рутинной. Ведь, по правде сказать, смерть несколько не противоречит жизни, а является ее неотъемлемой частью — причем даже не окончанием, а естественным ее продолжением.

Намного позже, когда умирала бабушка Ася — бабушка Таты со стороны папы, — она, уже будучи в слабом сознании, вдруг сказала: «Мне нечего бояться. Я свой путь знаю. И они меня уже позвали. Не знаю, кто эти они, но позвали». И вот куда они ее позвали?

А бабушка Дарья боялась умирать. Она все время говорила, что ей страшно оставлять деда Михаила. «Как он без меня? Ведь что он знает? И рубашку-то чистую не найдет, кто о нем заботиться будет?» — спрашивала она.

Но ей пришлось уйти раньше. Уже в церкви, когда крышка гроба опустилась и закрыла ее тело, а удар молотка плавно забил первый гвоздь, дед Михаил затрясся.

— Вот и не увидимся больше, — сказал он и горько заплакал.

После похорон Тата ушла в сад. Там, сидя на холодной сентябрьской земле под старой яблоней, она вспоминала, как прошло ее детство здесь, в ее любимой деревне, в окружении коз, кроликов, собак и кошек. Здесь всегда было так много жизни и так много сказочного. Она вдруг вспомнила, как когда-то старшая двоюродная сестра рассказала ей маленькой, что если вот под эту самую яблоню, под которой Тата сейчас сидела, положить фантик от конфеты, то на следующий день из него вырастет новая. Тогда они с сестрой принялись тщательно подбирать фантик — он обязательно должен был быть целый, не порванный, потому что из порванных конфеты не вырастали. И делать это можно было лишь изредка, чтобы яблоня успела отдохнуть: ей для этого требовались какие-то особые волшебные силы. Вот и сейчас Тата нащупала в кармане фантик, внимательно его осмотрела, разгладила и положила в высокую, по-осеннему желтеющую траву. За этими старыми яблонями давно никто не ухаживал — старикам это было уже не так нужно, да и сложно. Траву не косили, и тропинка к яблоням, вдоль которой когда-то росла полудикая земляника, давно исчезла. В первый и последний раз за минувшие почти двадцать лет под старое дерево снова лег пустой фантик. Тата сделала это без всякой надежды на чудо, но с благодарностью за все чудеса, что случались здесь раньше.

На следующий день родственники начали разъезжаться. Тата снова пошла в сад — попрощаться со старыми деревьями, да и просто побыть в одиночестве хоть несколько минут: в груди сильно щемило. Так всегда щемило перед возвращением в город после проведенного здесь лета, но Тата никогда и никому этого не показывала. Просто сглатывала горький комок в горле, делала глубокий вдох, замирала на пару секунд и выдыхала. Само ощущение никуда не девалось, но ей становилось чуть проще не подавать виду, что оно есть.

Тата пришла под яблоню. Но в этот раз сдержаться ей не удалось — слезы большими горячими каплями потекли по лицу. Она закрыла его обеими руками и замотала головой, не веря тому, что увидела. В траве под яблоней из земли вместо фантика торчала целая конфета.

И нет у этого чуда до сих пор никакого объяснения, ведь той сестры не было на похоронах. Да и не нужно оно, это объяснение. Гораздо нужнее по жизни, оказывается, верить в чудо, чем объяснять его. Ведь как бы ни был силен человеческий ум, самая сокровенная и большая сила человека заключена в его вере. Пусть даже это просто вера в волшебную конфету.

Гости разъехались. Тетя Люся забрала деда Михаила с собой в город, чтобы он не оставался один на один со своей тоской. Он заселился в небольшую комнату в ее квартире. Здесь всегда было идеально чисто, как бывает только в квартирах одиноких стареющих женщин, а еще там живет особенная тишина. В таких квартирах кажется, будто ты бродишь среди театральных декораций, и что-то неуловимое замерло здесь навсегда. Икона, книжный шкаф, ровно заправленная кровать, цветок в горшке на подоконнике, занавески — и ни пылинки. А разве может не быть пыли там, где есть жизнь?

После поминок у деда осталась небольшая баночка меда, который подавали к поминальным блинам. Ее поставили на окно рядом с бабушкиной фотографией, которую дед Михаил забрал с собой в город, а через три дня баночка наполовину опустела. Так сильно бабушка Дарья любила мед, что полакомилась им даже после смерти, чем очень удивила и деда Михаила, и тетю Люсю. Хотя нет, никто не удивился. Скорее, они просто улыбнулись тому, как все устроено, ведь к чудесам в этой семье уже давно привыкли.

Муж

Двадцатисемилетняя Тата возвращалась на поезде в Москву после похорон бабушки Дарьи. Внутри нее было тихо. Она смотрела в окно на проплывающие мимо леса, поля и деревушки и вдруг почувствовала себя очень одинокой. Все ее родные были где-то там, а она тут, в поезде.

Когда-то давно подруга рассказала ей, что верит, будто умершие люди сначала попадают в особое промежуточное пространство, где они слышат одновременно мир земной и мир небес-

ный. И если их о чем-то попросить, они смогут донести твою просьбу прямо к Богу. Тата не особо в это верила, но, оставшись в полном одиночестве под мерный стук колес, вдруг завела беседу с бабушкой Дарьей. Это была самая настоящая искренняя молитва. Ведь разве можно как-то иначе разговаривать с умершими? Тата смотрела в окно на вечерний туман над полями и просила бабушку Дарью послать ей мужа.

Они встретились случайно в дверях одного бара спустя девяносто дней после похорон. Бабушка Дарья выбрала его, как для себя. Внешне он отдаленно напоминал деда Михаила: немного кудрявый, спортивного телосложения, спина прямая, а голова гордо поднята. Он был готов жениться, заводить семью, строить дом и быть хорошим мужем. Выпивал, правда, крепко, но разве мог русский мужик по образу и подобию настоящего русского деда не выпивать?

И было у него одно достоинство, которое Тата сочла за благословение и награду за предыдущие свои мучения, — это его родители, которые тут же приняли Тату в семью. «Неужели так бывает?» — искренне вопрошала счастливая Тата, когда через несколько месяцев после знакомства он привез ее на дачу к своим родителям. Прошлые ее отношения закончились ровно потому, что семья ее парня была категорически против их союза. А тут тебе сразу все: и свежие срезанные цветы в вазе возле их дачной кровати; и всплески руками; и радость из-за того, что наконец-то он ее привез; и комплименты; и душевные семейные посиделки. А еще через полгода они с будущим мужем уже ехали на машине в город П. — к ее родителям, отмечать новогодние праздники.

По дороге обратно в Москву они заехали в гости к тете Люсе и деду Михаилу. Дед Михаил был очень рад! Он так долго и крепко жал парню Таты руку, словно спустя годы разлуки встретил старого друга. Они стояли посреди комнаты, молча смотрели друг другу в глаза и улыбались. Кажется, дед тоже увидел в нем что-то от самого себя, а потому сразу же после их отъезда позвонил маме Таты и сообщил: он хочет, чтобы Тата вышла замуж за этого хорошего молодого человека. «Так тому и быть», — подумала Тата. И бабушка его для нее выбрала, и дед благословил, и родители с обеих сторон, кажется, счастливы. Наверное, это и называется судьбой. И Тата была этой своей судьбе очень рада.

А через три недели деда Михаила не стало.

История одного убийства

Дед Михаил лежал на кровати немного наискосок, широко раскинув руки, как Христос. Глаза закрыты, лицо спокойное, а в районе горла — большой синяк.

Сын тети Люси, Миха, получивший имя в честь деда, зашел в квартиру первый. Дверь была открыта, что его сильно насторожило, поэтому он велел матери оставаться в подъезде. В квартире все было перевернуто вверх дном: книги, сброшенные с полки, валялись на полу, все дверцы мебели оказались открыты, и даже шкафчик в ванной был вывернут наизнанку, а пол как будто недавно вымыт. На первый взгляд выглядело все так, будто произошло ограбление, но следователи эту версию по каким-то причинам отклонили. Фотография бабушки Дарьи стояла все на том же окне за прозрачной занавеской. Пожалуй, она единственная на всем белом свете и знает, что случилось в тот день прямо перед ее глазами, но никому об этом не расскажет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.